

С.Н. Лютова
(Москва)

Архетипический анализ семейных конфликтов: терапевтические фрески¹

Джеймс Хиллман в своей работе 1983 г. «Исцеляющий вымысел» цитирует признание З. Фрейда, сделанное им в беседе с итальянским писателем Джованни Папини. (Запись беседы была опубликована в 1934 г.). Фрейд говорит: «Мне удалось обходным путем прийти к своей цели и осуществить мечту – остаться писателем, сохраняя видимость, что я являюсь врачом. Все великие ученые мужи наделены воображением, но, в отличие от меня, никто из них не предлагает перевести идеи современной литературы на язык научных теорий... Гейне, Золя, Малларме объединяются во мне под покровительством моего старого учителя Гёте»¹.

Точка зрения Хиллмана состоит в следующем: помимо того, что Фрейд открыл новый литературный жанр, объединив респектабельность естественнонаучной и блеск гуманитарной традиций, он перевел психотерапию из области эмпирической медицины в область «риторики творчества». Метод глубинной психотерапии использует «непреодолимую силу воображения, запечатленную в словах, в искусстве говорить и слушать»². Иными словами, это психология, которая признает существование *поэтической основы сознательного разума*³.

Только поэтическими средствами, то есть говоря на том же языке, можно работать с воображением. Поэтому задача обоих участников психотерапевтического процесса не истолкование образов, но погружение в них. Лишь новый образ может быть реакцией на образ собеседника. Некое сотворчество, близкое сотворчеству поэта и его читателя. С той разницей, что оба собеседника взаимно становятся катализатором креативности друг друга. Поскольку все элементы реальности могут рассматриваться как метафоры психического, архетипическая психотерапия исследует события жизни клиента с точки зрения сновидения, как если бы они носили символический характер, являлись художественными образами, нуждались в амплификации и могли быть подвергнуты альтернативным теоретическим интерпретациям. Рискну продемонстрировать это на «живых» примерах из собственной аналитической практики.

Уже года полтора к тому моменту, о котором я хочу рассказать, мы работали с 32-летним Владимиром. Мой клиент чрезвычайно досадовал на внезапные приступы хандры, начисто лишившие его остроумия того особого, парадоксального, свойства, которому Владимир считал себя обязанным

¹ Опубликовано отдельной статьёй в: Журнал практического психолога: научно-практический журнал. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания РАО, 2006. – № 1. – С. 107-124.

профессиональными успехами. Хандра же, по его мнению, была вызвана неудачами «на личном фронте». Причем никого, кроме самого себя, винить в них не приходилось: Владимир регулярно, самым скандальным и безобразным образом, по его выражению, порывал отношения со своими подругами. И вел себя тем гнусней, чем сильнее был увлечен девушкой.

Объясняя свои выходки страхом утратить свободу и в целом соглашаясь с характеристикой «бабника», выданной ему собственной матерью, Владимир, между тем, все с большей сентиментальностью предавался мечтам о жене и детях.

В ходе анализа мы постоянно «блуждали в четырех соснах»: 1) Владимир дорожит холостяцкой вольницей; 2) Владимир гиперзависим от матери, чьим поздним, единственным и долгожданным (а потому балуемым) ребенком он по сей день остается; 3) Владимир боится женитьбы, потому что не хочет причинить боль будущей семье, чувствуя в себе отцовские гены: подростком Владимир тяжело пережил внезапный развод своих родителей, за которым последовала женитьба 60-летнего отца на 18-летней девушке (мы особенно гордились этой последней версией); 4) наконец, мы предполагали и возможность бессознательной неприязни Владимира к молодым особам (со второй женой отца Владимир до сих пор избегал знакомства). Анализ не продвигался.

Но вот что произошло однажды. В реплике Владимира неожиданно снова всплыл, буквально «выскочил» один из этих навязчивых объяснительных штампов. Снова «выскочила сосна», что мы оба заметили. Выскочила сосна... Выскочила ёлка... Со мной накануне той нашей предновогодней встречи с Владимиром произошел забавный случай, который мне показалось уместным представить клиенту в качестве ожившей метафоры нашего привычного аналитического тупика. В гостях я распахнула дверь в комнату, где стояла наряженная ёлка, резко натянув тем самым отрезок шпагата, который фиксировал её верхушку. Но это выяснилось позже. Я же, по-ковбойски распахнув дверь, увидела только прыжок сверкающей ёлки мне навстречу из ведёрка, в котором та стояла.

И вот в кульминации рассказа, предполагающей веселое сочувствие моему испугу, Владимир, напротив, как-то затуманился и, помолчав, поведал мне свое первое детское воспоминание, навеянное услышанным только что. Володе шел третий год, когда родители задумали устроить малышу классическую Ёлку: нарядили комнату за закрытыми дверями и мальчика впустили уже в готовое великолепие блёсток, мишуры, музыки и горящих на огромной ели свечей.

В первый момент у Вовы от восторга перехватило дыхание!.. В следующий момент ель рухнула с гулом и треском бьющихся шаров. Вспыхнул пожар, который, впрочем, тут же потушили. Через год, по рассказам родителей, Володя при виде ёлки закатил истерику.

Обращенная к архаичным пластам человеческой психики, метафора воздействует на них с неотразимостью действия логического доказательства на рассудок. «Вправе ли мы отказывать аналогии в доказательной силе, если один

только тот факт, что она способна заставить нас предпочесть одну гипотезу другой, уже указывает на то, что она обладает силой аргумента»⁴, – писал основатель «новой риторики» Х. Перельман. Задача же практической работы в архетипической психологии и сводится к тому, чтобы «переписать или сочинить за пациента на основе сотрудничества историю, пересказав её более глубоко и достоверно»⁵.

Анализ случая Владимира не продвигался, пока мы оперировали вероятными, но неверными рассудочными интерпретациями («блуждали в четырех соснах»). Перелом наступил, когда был найден метафорический ключ к проблеме. Эпизод с «прыгающей ёлкой», ассоциированный Владимиром с его полузабытой «падающей ёлкой», явился случайно. (В психоанализе вообще значительную роль играют такие случайности, внезапно привносящие в терапевтическую беседу аффективный заряд). И «поэтическая основа сознательной психики» моего клиента узнала себя в зеркале точной метафоры, которой сделался реальный факт прошлого. Вместе с тем образный строй наших «поисков истины» сам собой будто уже давно подсказывал эту ель.

А. Адлер придавал исключительное значение первым детским воспоминаниям. Он считал, что из множества, как правило, незначительных эпизодов раннего детства какое-нибудь одно остается в памяти на всю жизнь именно потому, что оказывается символом системы ценностей (и поведения на её основе) данной личности. На лгущем языке изреченных мыслей явившейся Владимиру откровение можно описать приблизительно так: «Во мне живет безотчетная уверенность в том, что все восхитительное должно рухнуть. Чем ослепительней великолепие, тем очевиднее угроза. Когда мрачное ожидание этого становится нестерпимым, я сам провоцирую катастрофу, лишь бы скорее наступила разрядка».

У Владимира пропала потребность учинять скандальный разрыв в разгар романа. Меньше чем через год законным браком оформилась имевшаяся тогда в наличии связь. На свадьбе и я была, мед-пиво пила... Со счастливым концом оказалась сия «терапевтическая сказка». Ближе к терминологии Хиллмана было бы назвать её «терапевтической фантазией». «Отклонения от классического анализа проявляются не столько в форме терапии, сколько в её направленности, – пишет Хиллман. – Архетипическая психология рассматривает психотерапию как разыгрывание фантазии. Вместо назначения и применения той или иной предписывающей формы лечения она подвергает самопроверке терапевтическую фантазию»⁶.

Но «терапевтическая фантазия» – это не только новая версия душевной биографии, принятая за истину, это еще и теоретическая гипотеза, установление причинной необходимости всего произошедшего с клиентом. История Владимира (в той версии, которая избавила его одновременно от «свободы» и сплина) ладно вписывается в теорию установки Д. Н. Узнадзе⁷. Именно «по Узнадзе» я и преподнесла Владимиру динамику формирования невротической симптоматики, приведшей его ко мне.

Известные опыты Узнадзе и его учеников по формированию бессознательной установки не имели бы никакого отношения к истории

Владимира, если бы не два эффекта, открытые Узнадзе в ходе экспериментирования: иррадиации и генерализации установки. В школе Узнадзе, кроме того, экспериментально подтвердили специфически человеческую способность фиксировать установку на основе представления. Не только ощущения определяют наше воображение, но и фантазия как часть целостной психики влияет на достоверность восприятия. Таким образом, Узнадзе невольно подтвердил экспериментально тогда еще не существовавший основной тезис теории Хиллмана.

Так все же какое отношение шары и многогранники Узнадзе могут иметь к душевной биографии Владимира? Разумеется, метафорическое! Первой установочной пробой стал эпизод с крушением новогодней ёлки. Трудно сказать, фиксировалась ли уже тогда пессимистическая установка. Узнадзе подчеркивал, что установка проявляется: а) при наличии потребности; б) в соответствующей её удовлетворению ситуации. Возможно, безотчетная потребность созерцать крушение надежд у Владимира уже возникла, но не было еще объекта упований, достойного той детской ёлки, то есть столь же прекрасного и столь же шаткой конструкции – колосса на глиняных ногах.

К сожалению, оказалось, что такой объект всегда был рядом. Второй установочной пробой, уже в отрочестве Владимира, стал внезапный уход из семьи отца, размен квартиры, болезнь матери, которые за этим воспоследовали. «Шар Узнадзе» (хрупкий ёлочный шарик, в нашем случае) был подменен «многогранником Узнадзе» (многогранной фигурой отца – авторитетного, всезнающего, талантливое, азартного, элегантного, просто нежного – с сыном, неотделимого от матери, в браке с которой 35 лет...). На сей раз установка была фиксирована, целостная модификация личности Владимира произошла. Установка не только «перешла» с младенческого чуда – ёлки – на отца, кумир отрочества, столь же ослепительный и так же падший (обратите внимание: метафора падения, здесь уже вошедшая в языковую норму). Реальный эпизод с ёлкой, зримый и слышимый, метафорически сросся в бессознательном мальчика с предательством отца (а с ним и всего уютного прежнего мира), затронувшим все пять... нет, все шесть чувств! Установка иррадиировала, пронзив всю душу. «Личностная значимость» её стала вне конкуренции. Она регулярно стала проявляться позже, выражаясь опять языком Узнадзе, в условиях неадекватного раздражителя – в отношениях с каждой девушкой (предполагаемым «гением» – как «чистой красоты», так и «домашнего очага»).

А что такого могло случиться в ходе терапии, что разомкнуло порочный круг личностной неосознаваемой установки клиента? Д.Н. Узнадзе назвал бы это *объективацией* – переходом с уровня установок психики к сознательным содержаниям, когда отрезок жизни, непрерывной и текучей, становится объектом внимания и предметом мысли. Мы с Владимиром представили его отца, снимающего с ёлки игрушки... А рядом с ним ту, любви которой было особенно жаль... Узнадзе считал, что на уровне объективации человек становится независим от самого себя и обретает – несладкую – свободу выбора.

Очередная «фреска» иллюстрирует часто встречающуюся в терапевтической практике и таинственную, на первый взгляд, связь между

судьбой человека и определённой мифологемой. «Аленький цветочек юкки» – так назвала бы я эту фреску. Я позволяю себе подобный метафорический гибрид, имея в виду как известную благодаря С.Т. Аксакову русскую сказку, так и любимый пример Юнга про симбиоз американского растения юкка с одним из видов бабочки (сложный механизм размножения последней запускается единственным сигналом: цветением растения юкка в течение всего одной ночи (опыление цветков юкки без участия этой бабочки также невозможно).

По всей видимости, архетип «суженого/суженой» включает в себя не только сам виртуальный объект, но и интуитивное предзнание особенных условий, обставляющих его появление, особенных характеристик объекта. Иначе откуда бы у младшей купеческой дочери из сказки такое навязчивое, необъяснимое для неё самой, как позже выясняется, даже опасное желание обладать «аленьким цветочком, краше которого нет на белом свете»? (Если бы американская бабочка могла говорить, то именно так бы и нарекла, наверное, скромный цветочек юкки, к которому её непреодолимо влечет инстинкт).

Про «Аленький цветочек» я вспомнила не случайно. Мне довелось познакомиться с женщиной, назовем её Ириной, которая считала эту сказку для себя «программной». В детстве она ей нравилась больше всех. Но вовсе не похвальное самопожертвование младшей купеческой дочери привлекало Ирину, а её любовь к чудищу. Эта любовь, как чувствовала маленькая девочка, родилась вовсе не из благодарности к обходительному зверю, а много раньше, в виде страсти к невиданному цветку. Так что, собственно, дочь отца даже нарочно «подставила», чтобы потом отправиться в странствие.

Прочитав в отрочестве Гюго, девочка немножко и в Квазимодо узнала свое чудовище. Снова испытала жаркое волнение, как бы в предчувствии собственной любви. «Где мой суженый?.. Холодно? Теплее?» – «Совсем горячо!». Нет, первая любовь, к счастью, предстала не в виде горбуна, не в виде «зверя лесного, чуда морского», хотя «заморским», то есть иноземным, «принц», действительно, оказался. И было, со всей яркостью теперь вспыхнувшей, узнавание своей детской влюбленности в сказочного героя: «Его никто не любит, потому что не понимают. Все видят чудовище, я одна – принца. Поэтому он только мой!». Архетип анимуса, такой, каким всегда жил в душе, активировался в проекции на реального парня. Каким тот молодой человек был на самом деле? Кто знает... Наверное, иным. Во всяком случае, в один момент он и Ирине показался не принцем, а просто жалким изгоем. Они расстались.

Ко мне Ирину привела ситуация совсем, на первый взгляд, не сказочная и очень типичная для жен «новых русских»: молодая женщина с приличным образованием сидит в «золоченой клетке», воспитывает ребенка, растеряла прежних друзей и с болью сознает, что медленно деградирует. Мужа почти не видит: он рано уходит, поздно возвращается, выходные и отпуска для него не существуют.

Войдя в курс её семейных дел, я уподобила дом Ирины дворцу чудища из «Аленького цветочка»: незримые руки исполняют все, чего душа пожелает,

только не видно в пустом доме Хозяина. И все без него не мило красавице. Хоть страшилищем, да чтобы дом был обитаем, ей нужно!

Переведя таким образом типичную ситуацию в архетипическую, я и не подозревала, насколько точным окажется попадание. Ирина была потрясена, что и мне пришла в голову её «программная» сказка. Доверие с её стороны заметно возросло.

История замужества Ирины тоже вписывалась в канву «Аленького цветочка». Выходила она не за «нового русского», а за самого скромного из претендентов на её руку, разглядев и в его сердце скрытые от посторонних глаз достоинства. Да и пожалев: жених её в то время стоически переносил свалившиеся на его голову неприятности.

Подруги посмеивались над её выбором (точно как сказочные сестры, желавшие себе драгоценных подарков, на цветик аленький не льстившиеся). Неожиданно для всех муж Ирины проявил деловые качества, и девушка, мечтавшая о цветочке, обнаружила себя в золотом дворце. Но счастья с мужем вдруг у Ирины не стало. И не поговорить ей об этом с мужем, не достучаться. Впору воскликнуть: «Встань, пробудись, мой сердечный друг!». Спит непробудным сном её любимый, как чудище над цветком... а может, как Финист, опоенный злой волшебницей?

Еще один мотив «программной» сказки странным образом ожил в судьбе Ирины. Она пожалела, что не сумела сохранить свою первую любовь. И позвонила забытому другу. Ей сказали, что он погиб в автокатастрофе. Решись Ирина на звонок неделей раньше, она бы еще застала его в живых. Опоздала, чуть-чуть опоздала, как и сказочная её двойница!

И все же что, кроме интригующих совпадений, можно разглядеть в «романе» Ирины с аксаковской сказкой? Только ли подтверждение уверенности Юнга, что все возможное уже было однажды, уже было не раз, а мы лишь разыгрываем бесчисленные вариации тем, старых, как мир? В родственных, дополняющих одна другую сказках о красавице и чудовище и о Финисте Ясном Соколе используется очень древняя, известная в Европе с античных времен, мифологема – путешествие девушки за утраченным суженым. Апулей использует этот сюжет в своей истории про Психею и Амура, юного её супруга. Душа в поисках Любви... («Трое посохов железных изотрешь, трое хлебов железных изгрызешь...») – тогда найдешь, как говорится в русской сказке). Брачный союз, слияние души с любовью составляет смысл развития личности, становится её вратами в бессмертие, как учила Сократа наставница его Диотима. Поэтому любовь дальше этой черты выходит из берегов земного эротизма, сливаясь с религиозным инстинктом, преображаясь в божественную сущность человеческого естества.

Исследование гендерных ролей в семье – одно из наиболее актуальных направлений психологии последних 10 – 15 лет, когда наблюдается интенсивное смещение (если не смешение) и преобразование ролевых функций мужчины и женщины. Поделюсь парой примеров такого рода, небезыntenесных с точки зрения архетипической психологии. Особый, хотя и весьма распространенный, случай преобразования гендерных ролей,

подмеченный ещё К.Г. Юнгом, представляет собой одержимость неспроецированными анимой/анимусом. Мужчина во власти анимы делается тщеславен, сентиментален и обидчив, женщина во власти анимуса – властна и фанатична. Исход встречи двух таких людей, то есть доминирующих анимуса и анимы, «не всегда негативный, так как оба её участника с той же вероятностью могут влюбиться друг в друга (особый случай любви с первого взгляда)»⁸, – кажется, не без иронии констатирует отец аналитической психологии. Таков закон: анимус «подманивает» аниму.

Миловидная, хрупкая на вид женщина сокрушается: «Я вышла замуж, потому что он казался мне надежным, уверенным, способным вести за собой, чтобы, равняясь на мужа, я могла развиваться. А получилось, что он будто тянет меня вниз: я содержу семью, я делаю карьеру. Он же зарабатывал так мало, что, когда нашему ребенку исполнился год, мы решили, что не я, а он оставит работу, чтобы сидеть с малышом. И вот уже десять лет, как он освоился в роли домохозяйки и не думает ничего менять!».

И все же, как выяснилось из дальнейшего разговора, в таких отношениях женщину устраивает многое. Не устраивают две вещи: недостижимость идеала «сильного мужчины» рядом и социальное неодобрение, что, собственно, одно и то же: несоответствие традиционным представлениям о ролях мужа и жены, в том числе интериоризированным. Единственный выход – за рамки стереотипов, принять все таким, как есть.

Впрочем, не всегда степень маскулинности жены вполне соответствует степени феминности мужа. Как тут не вспомнить шкалу психологической выраженности пола, намеченную ещё русским философом В.В. Розановым⁹. На этой шкале мужской пол обозначен отрицательными величинами, а женский – положительными, причем координаты человека на этой прямой могут быть не связаны напрямую с его биологическим полом. Предположим, психологическая интенсивность пола одержимой анимусом женщины – «+1», а одержимого анимой мужчины – «-2». Если эти мужчина и женщина составят супружескую пару, возможно влияние на мужа, усиливающей его феминность. Под воздействием анимуса жены показатель мужественности супруга составит уже, допустим, «-1», но может вернуться в норму при устранении этого воздействия.

Открыть глаза на нестандартный характер своих взаимоотношений, освободиться из плена гендерных штампов парам иногда способна помочь «мифо-», или, как её еще иногда называют, «сказкотерапия». *Девушка озадачена странным своим «романом» с неким молодым человеком. Она сочла, что встретила свой идеал мужчины и определенно почувствовала ответную симпатию с его стороны. Однако их отношения никак не развиваются вот уже несколько месяцев.*

Сначала она совершенно терялась в его присутствии, ощущая себя глупенькой девочкой и надеясь на проявление им инициативы. Наконец, сама, потеряв терпение, сделала первый шаг. «Он» обнаружил явное удовольствие, но продолжал бездействовать и даже как бы сопротивлялся её попыткам сближения.

«Бедная девушка» заподозрила, что попала в руки хладнокровного соблазнителя. Но, странное дело, любовь-восхищение, которую она испытывала вначале, незаметно трансформировалась в какое-то ироническое умиление с примесью охотничьего азарта!

В беседах с ней мы стали называть предмет её нежной страсти Емелей – за ленцу, строптивость и то, что завладел сердцем «царевны», словно «по щучьему веленью», палец о палец не ударив, а сам вернулся на печь. Будто царевыми гонцами в сказке, наш Емеля уже пренебрег парой приглашений от влюбленной «царевны», очевидно ими польщенный, однако. Недоумение «царевны» росло, а гордость её страдала. Но, как та с удивлением обнаружила, не «девичья гордость», а что-то вроде гордости зверолова, дело чести которого добыть дичь. Все это уже совсем разонравилось Я моей знакомой: «Мы словно поменялись местами: не он, а я за ним ухаживаю! Я хочу, чтобы меня добивались!».

А как там было дело в сказке? В сказке упрямого Емелю накормили-напоили, бросили в карету и увезли во дворец. Однажды, сверкая от удовольствия глазами, «царевна» сообщила, что, за неимением придворных вельмож, сама взяла да и «умыкнула» своего Емелю, как кавказскую невесту: предложила подвезти до дома, а вместо этого умчала к себе на дачу. Емеля, казалось, только того и ждал.

Они составили очень красивую пару, только... Только жаль было «царевне» призрака идеального мужчины, при котором она когда-то не смела поднять глаз и чувствовала себя нежной и глупенькой. «Емеля-Емеля, нельзя ль тебе сделаться добрым молодцем, писанным красавцем?» – робко спрашивала в сказке та, настоящая, царевна, тоже, видимо, обнаружив несоответствие любимого умозрительному идеалу.

Наиболее тягостные семейные конфликты разгораются на стыке поколений. Помимо матери как плодородного и доброжелательного божества этот архетип таит в себе, по выражению Юнга, «оргаистическую эмоциональность и стигийские глубины»¹⁰. Заботливая – убаюкивающая – обволакивающая – удушающая – пожирающая – вот направление не приметного скольжения архетипа от его положительного полюса к отрицательному.

«Каждая женщина простирается назад – в свою мать и вперед – в свою дочь... её жизнь простирается над поколениями, что несет с собой и чувство бессмертия»¹¹. Однако чувство это подвергается испытанию, когда однажды ему начинает противоречить «свет мой зеркальце», в котором увядание матери отражается в обратной пропорции к дочернему расцвету. И, если женщина не готова еще отказаться от царского венца молодости в пользу наследницы, негативный аспект матери активируется в её бессознательном, завладевая всей личностью. Мать, конечно, пробует осознать себя птицей Феникс: пусть я сгораю, но в дочери восстану из пепла... Увы, мачеха-завистница в ней часто берет верх. Этот мифологический сюжет давно освоен литераторами: «Совершенно понятно. Ревность. Ведь дочь – соперница»¹², – комментирует Марина Цветаева украинскую сказку, содержащую эту мифологему.

Мать-колдунья может «пить кровь» дочери, вмешиваясь «материнским советом» в отношения той с молодыми людьми. Причем обе женщины, находясь в открытой уже конфронтации, как правило, не подозревают в этих бесцеремонных вторжениях злого умысла старшей.

«Проблемой, и серьезной, стали для меня отношения с моей мамой, – пишет мне моя 17-летняя студентка. – Она постоянно вмешивается в мою личную жизнь, пытаюсь оградить от ошибок, которые совершала сама когда-то. Я понимаю, что мама – человек, который не просто может, но и должен советовать мне, опираясь на свой опыт и на свое знание и понимание меня. Но в последнее время эти советы стали принимать форму наставлений по принципу «так и только так!».

Весь полуденный мир, ускользящий из её собственных рук, мать-мачеха ревнует к дочери. И снится одной из таких дочерей, что они с матерью – во дворе на детской площадке. Дочь хочет уйти, но мать вдруг обхватывает её шею и виснет за спиной грузной отвратительной старухой (это её-то стройная моложавая мамочка!). Виснет, и душит, и не пускает... Так и крутится дочь на детской площадке, нелепо и безнадежно, со своей безобразной ношей.

«Дочь не могла сознательно разглядеть пагубного материнского влияния, отсюда и компенсирующая критика со стороны бессознательного»¹³, – резюмирует Юнг описание другого, почти столетней давности, сна, в котором мать, точно как в описанной М. Цветаевой украинской сказке, кровожадной ведьмой гналась за любящей её и чрезвычайно послушной взрослой дочерью (которой неприятный сон и приснился). В XXI в. сюжет воспрянул в фильме М. Ханеке «Пианистка».

Овладевший женщиной анимус-Логос противостоит бессознательности. «Для Логоса это само зло. Поэтому его первый творческий акт освобождения – это матереубийство»¹⁴. Как позитивный анимус убивает мачеху-змею, дракона бессознательного, так негативный анимус поражает само стихийное плодородное начало в женщине. (Психология – это палка о двух концах, вспомним Ф.М. Достоевского).

Матереубийство – творческий акт освобождения поднимающего голову «мужского», то есть, по Юнгу, сознательного начала (в том числе и в женщине). Однако мы помним из греческой мифологии, как мстительные эринии преследовали Ореста за пролитую им материнскую кровь. Если Электру и Ореста представить как единое существо, а не как сестру и брата (ибо едины они были в стремлении к возмездию), Орест предстанет анимусом Электры – её волевой и осознанно-рациональной сущностью, которая и получает поддержку Афины, богини разума, не матерью рожденной. В суде над Орестом его сторону также принимает Аполлон.

Итак, разум и индивидуальное сознание оправдывают уничтожение бессознательного – темного, утробного – материнского начала. Но голоса за и против Ореста разделяются на суде поровну. И, хотя формально обвинение снимается, тени эриний маячат над ним, а значит, и над его сестрой, до конца их жизни. Не решен еще человечеством вопрос о приоритете – коллективного ли, родового, над индивидуальным, или дневного света сознания над мглой.

Такое мучительно неуравновешенное состояние души человеческой иллюстрирует сон одной молодой женщины. Частный случай её взаимоотношений с матерью служит метафорой внутренних противоречий, отражает архетипическую борьбу разнородных начал психики. Сон является следствием угрызения эриниями совести после свершения акта символического матереубийства.

Предыстория сна такова, насколько я могу передать её со слов Татьяны: она, её молодой муж и новорожденный ребенок жили с родителями Татьяны. Мать её стремилась провести в жизнь свои представления о семейном укладе, свято веря в их безальтернативность. Дочь воспринимала активность матери грубым вторжением в её частную жизнь, в жизнь её собственной – маленькой, новорожденной, как и ребенок, семьи.

Попытки Татьяны отстоять независимость высмеивались, к тому же пришлось выслушать много обидного. Наконец, Татьяна – с мужем, дочерью в коляске и кошкой в сумке – ушли из дома, благо было куда. Мать же была убита крушением идеала большой семьи. Молодые супруги стали жить независимо, деля между собой ответственность за ребенка и обеспечение семьи. Творческий акт освобождения (читай: взросления и осознания многого из того, что скрыто было прежде пеленой инфантильной привязанности к родителям) состоялся. Но эринии не давали Татьяне покоя: мать-то была убита и искренне считала себя невинной жертвой дочернего эгоизма.

Тогда-то и приснился Татьяне сон. Носят её морские волны метрах в ста от берега. Видит она все так, словно не погружена в воду, а стоит на поверхности, только тела своего Татьяна совсем не ощущает. Берег представляет собой отвесную скалу, на которой изображен огромный черный женский силуэт. «Мать», – знает Татьяна и чувствует, что, хотя женщина и нарисована, она – живая. Плоское изображение одушевлено даже как-то более человеческой меры одушевленности. И портретного сходства с её собственной матерью никакого нет, лица вообще не разглядеть. Это – просто – Мать. В голове Татьяны звучит Голос. Уверенный баритон произносит: «На мать обижаться нельзя». И тотчас Татьяна понимает, что, раз Голос сказал, значит, истинно так. Кому принадлежит Голос, она не задумывается, но неоспоримость истины такова, как если бы была она провозглашена Богом.

Однако изреченную истину еще предстоит принять – не на веру, а в сердце своем, то есть согласиться с ней, проникнуться ею. И Татьяне известно, что это – её последняя в жизни задача и цель. Что она так и будет носиться здесь по волнам, пока не сумеет выполнить этого. И вот, по мере того как Татьяна добросовестно старается все более «вчувствоваться» в смысл фразы, волна, несущая её на гребне, все более разгоняется, мча девушку на скалу, чтобы (Татьяна знает) разбить её у ног черной Матери, чуть только озарение наступит. Татьяна не боится, напротив, она понимает: это – последнеё, что ей суждено в жизни.

Но в какой-то момент последней правды, несмотря на все Татьянино прилежание, в голове прорезывается другая мысль, возражающая изреченной Голосом: «Но я не могла иначе!» (Имеется в виду разрыв с реальной её

матерью). Волна тотчас откатывает обратно в море, и все – не раз – повторяется сначала. Сон обрывается.

Голосом ли Бога, совести, или Супер-Эго была изречена формула культурного запрета, неважно. Важно то, что искреннее принятие покаянной роли «блудного сына» (блудной дочери) в данном случае ведет к гибели, вопреки традиционным представлениям. К гибели чего? Индивидуальности, конечно, личности. Ни Афины и Аполлона, светоносных покровителей личного сознания, ни эриний, стражей родового закона, нет на фоне средиземноморского пейзажа этого сна, но спор между ними продолжается и поныне.

Рационализация, реактивные образования и регрессия – защитные механизмы личности, весьма часто последовательно включающиеся в случаях так называемой несложившейся личной жизни. Последней «терапевтической фреской» окажется незавершённый рисунок – случай, в котором помочь я не смогла...

Молодая женщина тяжело перенесла разрыв с мужем после недолгого и несчастливого брака. Однако теперь, по её уверению, она совершенно спокойна, благополучна и самодостаточна. Признается, что в своих часовых монологах, произносимых в присутствии психолога, нуждается как в способе духовного совершенствования.

Говорит несколько монотонно, злоупотребляя подчинительными союзами «в силу того что», «с тем чтобы» и др. По форме речь представляет собой набор аксиоматических деклараций псевдорефлективного свойства, по сути – презентацию «арены» (вспомним «окно Джогари»). Особо ценит в себе способность всегда сохранять душевное равновесие, пунктуальность и дар логического мышления. (Прочие характеристики излагаются также в соответствии с гороскопом Девы: в астрологии Алёна – почти профессионал).

Однажды Алёна сообщила, что её душевное равновесие подверглось на минувшей неделе серьёзному испытанию. Привезенный в гости полуторагодовалый племянник терроризировал её своими воплями и бесцеремонностью в обращении с вещами и с её собственной персоной. Иначе как «зверенышем» мальчик не назывался, все его проделки описывались подробно и с величайшим отвращением. Племяннику на этот раз удалось совершенно вытеснить тетушку с центрального места в её монологе. Однако ещё более примечательным оказался костюм, в котором она пришла ко мне тогда и являлась ещё пару раз. На стройной моей посетительнице был джинсовый комбинезон... покроя «для будущих мам».

– Пошла просто и купила. Очень женственно и совсем не стесняет движений! – пояснила Алёна, похлопав по складкам мешковато обвисшей на животе ткани и продемонстрировав мне образец рационализации.

В самом деле, должна же здравомыслящая Дева хоть как-то объяснить, что понесло её в этот магазин из дома, притихшего после того, как сестра увезла свое чадо?! Не может же серьёзная особа признаться себе, что рада взглядам прохожих, которые, должно быть, прикидывают, на каком она месяце.

Эта непреложная уверенность встречных людей в факте беременности позволяет и ей самой – чуть-чуть, понарошку – примерить «интересное положение», поиграть в него. А вот признаться себе в желании иметь ребенка – значит возыметь мужество заглянуть в пропасть – зияющую дыру в своей жизни на месте предателя-мужа. Нелогично было бы второй раз наступать на одни и те же грабли и заводить иные, кроме товарищеских, отношения с мужчиной. Обнаружить теперь эту лакуну значит забросить карьеру, которая и так не слишком успешна, вступить на путь каких-то унижительных и опасных приключений. Так она могла бы рассуждать. Но Алена лишь говорит: «Ребенок? – Не ко времени. И вообще я рожу только в браке с немцем: они ответственные».

И все же оно предательски прорвалось, это желание иметь ребенка, в несуразной покупке! Кстати, необходимость скрыть от себя требования материнского (и женского) инстинкта сконструировала в данном случае еще один, вспомогательный, защитный механизм. Всякий, как известно, недосыгаемый виноград становится для лисицы зелен. Незадавшаяся любовь оборачивается ненавистью. Реактивные образования часто подкрепляют рационализацию. Используя защиту такого рода постепенно огораживает себя частоколом беспочвенных умозаключений, возводя шаткую систему мироздания, которой необыкновенно дорожит. Тогда процесс психоанализа заходит в тупик, и человек кружит в лабиринте псевдологических конструкций, все более отрываясь от реального положения вещей.

В день, когда Алену уволили, в очередной раз, с работы (я это узнала позже), она посвятила час рассуждениям о своих выдающихся деловых качествах и образовании. Последней, кстати, действительно, было блестящим, что всегда облегчало ей поиск работы. В этот день моя собеседница много смеялась, причем глаза её оставались трагически распахнутыми и застывшими, наводя меня на тревожные опасения.

Однажды я отважилась на провокацию эмоциональной разрядки, чтобы вывести процесс из застоя, в котором он давно увяз. И впервые увидела Алену плачущей. Она рассказывала о прощальном разговоре с бывшим мужем. Тогда ей был нанесен тяжелый удар, прежде всего, по самооценке. Эти воспоминания чередовались со светлыми картинками начала их романа. А в следующий раз Алена вдруг бодро заявила, что решила выйти замуж за человека, которого знает с детства и которому нужна теперь её поддержка. Однако я напрасно радовалась, что аффективный прорыв разрушил плотину рационализации и вынес мою знакомую в нужное ей русло... Живой импульс, двинувшийся было в ней, тотчас оброс привычными ментальными ракушками и застрял на мели.

Невеста предложила жениху «руку и сердце», оказывается: а) чтобы подарить другу детства, убежденному плейбою, печать в паспорте, ограждающую того от чрезмерных претензий третьего лица – будущей матери его ребенка; б) чтобы обеспечить себе получение визы в посольстве, предпочитающем замужних туристок; наконец, в) при условии, что брак будет фиктивным. Свадьба свершилась. Я же впоследствии имела несчастье бессильно наблюдать процесс хрестоматийной регрессии.

Регрессирующая личность подменяется, по выражению психолога (из МГУ им. М.В. Ломоносова) В.В. Петухова, «мничностью»¹⁵, то есть «мнимой личностью». Увеличивается разрыв между декларируемым благородством намерений и девиантностью поступков. Личностный поступок, по Петухову, раздвигает границы возможностей человека, преобразуя их на пути понимания собственных проблем. Даже дефект, физический или психический, в этом случае используется для достижения стоящих перед личностью целей. Что касается «мничности», она продукт регрессии к рационализации субъекта, испытавшего однажды возвращение вытесненного в сознание. Во всяком случае, у Алены «мничность» стала развиваться именно так, в результате фрустрации повторно осознанной потребности в любви и вторичного её вытеснения.

«Мничность» объявляет социальной нормой и возводит в культурный принцип собственный природный позыв. То есть управляется симбиозом ОНО и Сверх-Я, ОНО – «в шкуре» Сверх-Я. Одна дама, безуспешно пытавшаяся похудеть, жаловалась: «Утром я не ем, но вечером наедаюсь, «по идейным соображениям», вполне убедив себя за день в противоестественности и вреде голодания!». «Мничность» в роли адвоката желудка каждый вечер выигрывала дело логически безупречно.

«Мничность» же нашей новобрачной трепетала в благородном гневе на «авантюристку», посмевшую сохранить внебрачного ребенка, отяготив совесть «моего мужа». «Мничность» теперь горячо рассуждала о святости семейных уз, отклонив, между тем, предложение супружеской близости, поступившей от друга детства: верность он ей предложить не мог. Однако было заметно, как греют Алёну маленькие знаки внимания и услуги, оказываемые «фиктивным мужем». Они оставляли надежду, что союз их со временем перестанет быть только формальным, что друг детства, наконец, осознает: она – его давняя и единственная любовь.

Но проходили недели, а в жизни все оставалось по-прежнему. Разве что работа опять подвернулась. И снова увлечение – романтическое – боссом... Алена стала подумывать о разводе, но босс говорил о делах и ничего о рисовавшемся уже ей венчании... Тем дело и кончилось.

Фиктивный супруг же объявлялся все реже, и ей приходилось то и дело напоминать о себе, придумывая разные предлоги, чтобы не иссяк совсем живительный ручеек знаков его внимания. К изобретению поводов окликнуть ускользящую и на сей раз надежду свелся смысл существования.

Однажды ей дали небольшой, но срочный перевод. Не взглянув на него, Алена принялась разыскивать друга детства и умять его, ссылаясь на занятость, сделать этот перевод за неё. Весь день прошел в поисках, в пересылке текстов по факсу и дополнительных звонках-понуказаниях с сопроводительными инструкциями. В результате перевод опоздал, с другом детства, не терпящим насилия, вышла ссора, а наша героиня в очередной раз лишилась работы.

– Я это сделала, потому что муж знает язык лучше, – пояснил мне не сдавшийся «рационализатор» в «мничности» высококлассной переводчицы. – А

я привыкла ко всему относиться ответственно, чего ему (боссу), конечно, не понять!

Ледяной дворец замкнулся за Каем, и он снова, не помня про розы, принялся выкладывать из льдинок слово «вечность». «Заморозка» – анестезия. Снегурочками становятся, чтоб не болело, забывая, что только на живом – и в жару – заживет.

Исследование психологических проблем современной российской семьи предполагает и рассмотрение личностных проблем невозможности создания полноценной семьи. На мой взгляд, наряду с традиционными причинами этого, именно стремительное изменение половозрастных функций в семье, отстающее от изменения стереотипных представлений о семейных ролях, привело в последнее время к нарастанию конфликтности семейных отношений.

¹ Цит. по: Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ Там же.

⁴ Перельман Х. Из книги «Новая риторика...» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 226-227.

⁵ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 100.

⁶ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 99.

⁷ См. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.

⁸ Там же. С. 164.

⁹ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика Христианства // В.В. Розанов. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 31.

¹⁰ Там же. С. 219.

¹¹ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 184.

¹² Цветаева М. Дом у Старого Пимена // М. Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. С. 114.

¹³ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 139.

¹⁴ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 233.

¹⁵ См. Петухов В.В. Природа и культура. М., 1996.